

...Каргасокская средняя школа оставила у меня хорошие воспоминания. У нас были замечательные учителя, хороший школьный коллектив. Чтобы ответить на ваш вопрос, как я попал в Каргасок, мне придётся начать издалека.

*Аврелий Васильевич
Детеррер*

Родился 27 апреля 1929 г. на Волге в с. Диттель Автономной Республики немцев Поволжья (была такая республика с 1924 по 1941 гг.!). Сейчас это с. Алешники Жирновского района Волгоградской области. Мой отец, Детеррер Василий Иванович (10.03.1906 - 9.10.1956), был предпоследним, одиннадцатым ребёнком в многодетной семье. В юности работал каменщиком на стройке, учился сапожному делу, заведовал избой-читальней (сельской библиотекой).

Моя мама, Ольга Георгиевна (1.12.1897 - 30.05.1971), работала воспитательницей в детском доме, библиотекарем в сельской библиотеке.

Она часто брала меня с собой на работу (не с кем было оставить). Рассказывала, что, посадив меня на пол, раскладывала вокруг пачки газет, чтобы не уполз далеко, а я с удовольствием «читал» их, разрывая на мелкие кусочки.

Вскоре после моего рождения отец был призван служить в армии на Дальнем Востоке в связи с военным конфликтом на КВЖД (Китайской восточной железной дороге). Он остался на сверхсрочной службе, перевёз меня с матерью в свой гарнизон.

Отец служил в 77-м Новгородском полку, которым командовал в то время майор Николай Эрастович Берзарин. В 1945 г.,

будучи генералом, он стал первым комендантом Берлина. Я это запомнил потому, что моя мама имела почётную грамоту, подписанную Берзариным.

Она работала воспитательницей детского сада. В 1935 г. Состоялся длительный конный пробег женщин, жён командиров, с Дальнего Востока в Москву. Их малолетние дети находились на круглосуточном попечении в детском саду. После возвращения можно представить их радость увидеть детей живыми и здоровыми. Все работники детсада, в том числе и моя мама, были отмечены грамотами и премиями.

Мне особенно запомнился г. Спасск, где мы жили в военном городке. Он был отделён оградой с колючей проволокой и глубоким рвом, наполненным водой. Вход в наш городок осуществлялся через КПП (контрольно-пропускной пункт) по пропускам.

В первый класс пошёл, как и все дети в то время, с 8 лет. В школу ходил вместе с другими детьми не только с ранцем, но и с противогазом. Тогда на Дальнем Востоке было очень напряжённо в связи с военными провокациями японцев. На границе погибали пограничники, их хоронили в Спасске.

Часто объявляли воздушную тревогу. Если мы были в школе, то вместе с учительницей шли с противогазами в бомбоубежище. Уроки, конечно, не проводились. Если сигнал тревоги заставал нас в дороге, мы были обязаны с противогазами идти в ближайшее бомбоубежище и ждать там отбоя. Спасск запомнился мне ещё и тем, что мы, мальчишки 6-8 лет, играли в войну на настоящем военном самолёте-истребителе, стоявшем на площади нашего военного городка. Нам разрешали в нём играть потому, что он был не пригоден для полётов, его потом увезли на металлолом. Но для нас он был не игрушкой, а настоящим самолётом. В 1938 г. известный лётчик-испытатель Владимир Коккинаки, совершил беспосадочный перелёт из Москвы на Дальний Восток. Он вы-

ступал в Спасске перед военными. Отец взял меня с собой на встречу с ним. Было удивительно, что лётчик привёз свежие номера газеты «Правда» из Москвы. Обычно московские газеты поступали через две недели по железной дороге. За этот полёт Коккинаки был отмечен званием Героя Советского Союза. Позднее (в 1957 г.) его наградили повторно.

В 1938 году закончил первый класс с похвальной грамотой. Отца уволили из армии по состоянию здоровья (во время полевых учений получил серьёзную травму). Мы переехали в г. Саратов к родственникам. Учился в 41-й средней школе со 2-го по 4-й класс. У нас был замечательный учитель - Пётр Яковлевич Лебедев, ветеран 1-й мировой войны. Имел ранение в ногу, прихрамывал, ходил с тросточкой. Нас он вовлекал в разные кружки.

Рядом с нашим домом была библиотека, в которой я был постоянным читателем и помощником. Мне разрешали рыться в книгах на полках, брать книги домой из читального зала. Здесь я освоился с энциклопедиями, читал много художественных и научно-популярных книг и журналов. Позднее понял: запаса прочитанного хватило до 8-го класса. В школе нас готовили к возможным военным событиям через кружки БГТО (Будь готов к труду и обороне), БГСО (Будь готов к санитарной обороне), ПВХО (Противовоздушная и химическая оборона) и др. В 3-ем - 4-ом классах я увлекался рисованием и фотоделом. Мой соклассник Дима прекрасно делал зарисовки с натуры, изображал и нас в классе, ходил в изостудию дворца пионеров. Взяв однажды с собой меня и ещё двоих ребят из нашего класса, он познакомил со своим руководителем. Тот внимательно просмотрел принесённые нами рисунки и предложил срисовать с натуры вздыбленного коня, слепленного из глины кем-то из студийцев. Дима быстро набросал эскиз, а мы, с трудом изобразив что-то похожее, поняли, что нет у нас такого таланта. Старшие ребята трудились над огромной, во всю стену, картиной, изображавшей военную

баталию. А Дима, накрыв «коня» мокрой тряпкой, увлечённо делал новый набросок «коня с попоной». Больше я туда не ходил. Более успешно проходили в школе занятия в фотокружке с нашим учителем Петром Яковлевичем. Мы учились фотографировать с помощью фотоаппарата «Фотокор». Камеру ставили на треногу и делали наводку на матовое стекло. Добившись резкого изображения, снимали на фотопластинку 9х12 см. Учитель познакомил нас с процессом обработки: проявлением, закреплением и фотопечатью в школьной фотолаборатории. 28 августа 1941 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о выселении немцев Поволжья, голословно объявленных пособниками немецко-фашистских войск, шпионами и диверсантами. Всех немцев республики и г. Саратова, в том числе нашу семью, в срочном порядке депортировали в Сибирь.

Тогда мы ещё не знали, что нас коснулись сталинские репрессии, что мы уже поставлены на комендантурский учёт.

В пути мы были почти месяц, медленно двигаясь через Казахстан к Новосибирску. Нас высадили на ст. Ояш и повезли в с. Новобибеево. Работать надо было в колхозе, убирать урожай зерновых и картофеля. В октябре я пошёл учиться в 5-й класс. Отца вскоре забрали в трудармию, отправив на строительство железной дороги Сталинск - Абакан. Оттуда он писал, в каких невероятно суровых условиях находились он и другие трудармейцы, строители дороги.

Остались мы вдвоём с мамой, которая по болезни не могла выполнять тяжёлую физическую работу. Чтобы прожить, мама стала шить для людей одежду на нашей зингеровской швейной машине, которую нам удалось взять с собой. За работу люди приносили ей молоко и другие продукты. В школе мы сначала участвовали в копке картофеля на колхозных полях. Потом ходили в лес, пилили берёзу, заготавливая лыжные болванки. Из них затем в колхозной столярной мастерской изготавливали лыжи.

Зимой по вечерам при свете «коптилок» (электричества в селе не было) школьники обязаны были в бондарной мастерской гнуть из прутьев кольца для лыжных палок.

Были у нас занятия по военному делу: строевая подготовка, метание гранаты, зимой ходьба на лыжах и т.д. Лыж у меня не было, но вскоре их удалось сделать самому. Квартирная хозяйка разрешила брать столярные инструменты её мужа и на его верстаке строгать и пилить. Пригодились знания и навыки, полученные в колхозной мастерской. Вскоре на своих лыжах мог заниматься в школе и с удовольствием кататься после уроков. Когда начались летние каникулы, пошёл работать в бондарную мастерскую, где научился делать бочки и кадочки с деревянными и металлическими обручами.

В июне 1942 г. вернулся из трудармии отец, больной, худой, поседевший в свои 36 лет. Его отпустили как безнадежно больного. Однако уже в конце июня нас снова подняли, свезли в с. Камень на Оби, погрузили на баржу и отправили на Север. Нас выгрузили в с. Усть-Тым Каргасокского района. Это было тогда небольшое рыбацкое село при впадении р. Тым в Обь. Отправили на рыбалку. Мы с отцом оказались в бригаде из 6 человек у опытного промысловика Сорокина, который взял нас к себе на квартиру. Нам удавалось постоянно выполнять норму, зарабатывать хлебный паёк и дополнительно получать муку и сахар по талонам (их называли рулонами). Отцу стало несколько лучше, но нелёгкий рыбацкий труд заставил вспомнить старую профессию сапожника. Его перевели на рыбозавод в с. Тымское на излучине старицы (старого русла) Оби, в 20 км от Усть-Тыма, где была школа-семилетка, и я смог учиться дальше. Директором Тымской школы-семилетки в то время был замечательный педагог, последователь А. С. Макаренко, Павел Африканович Пляскин. Перед началом учебного года он направил учителей для переписи детей школьного возраста. К нам пришла учитель-

ница математики Александра Афанасьевна Короткова. Она застала меня за изготовлением диапроектора. Из сохранившегося с саратовских времён (1915-1982) жестяного фильмоскопа и изготовленных мной деталей строил прибор, с помощью которого надеялся проецировать изображение на экран. Она рассказала директору об этом, а также о том, что моя мама прекрасно говорит и по-немецки и по-русски. Директор пригласил меня с мамой в школу для беседы. Так мы познакомились с Павлом Африкановичем. (Не удивляйтесь, что я так подробно рассказываю о нём. Он и его жена Лидия Андреевна работали потом в Каргасокской средней школе. Они и другие учителя, о которых расскажу далее, повлияли на моё формирование.)

Он рассказал, что нуждается в помощи моей мамы для работы с немецкими семьями. В Тымске был целый посёлок землянок, в которых они жили. Прибыв из сельской местности бывшей немреспублики, многие родители не знали русского языка, не решались по этой причине отправлять своих детей в школу, а ещё потому, что не было одежды и обуви. Директор попросил посетить эти семьи, разъяснить, что детей надо обязательно учить. В школе учителя помогут освоить русский язык, а нуждающимся из фонда всеобуча выделяют необходимую одежду. Мама согласилась, побывала в тех семьях, где были дети школьного возраста, сумела убедить родителей отправить детей учиться, а школа действительно помогла нуждающимся одеждой и обувью. Маму избрали в родительский комитет школы, и она продолжала опекать немецкие семьи.

Мне директор предложил участвовать в изготовлении диапроектора для школы с использованием солнца, как источника света, так как в селе не было электричества. Идея понравилась. С моими школьными товарищами она была осуществлена. Но осенью солнышко появлялось редко и не в то время, когда это было нужно для занятий.

В Новобибеевской семилетке тоже не было электричества, но там имелась карбидная лампа - прекрасный источник света, который позволял использовать школьный диапроектор. Я рассказал об этом Павлу Африкановичу, он внимательно выслушал, расспросил и зимой, съездив в райцентр Каргасок, привёз карбидную горелку. Проблема была решена. Другой интересный пример. В школе не было чернил и бумаги. Писали на газетах между строк. Павел Африканович на занятии физического кружка предложил изобрести чернила самим. Испробовали сажу, отвар дубильной коры, отвар луковой шелухи, но, к сожалению, они были малоэффективны. Какое-то время школа проводила испытания этих средств, мы гордились, что нашими чернилами можно писать. Из Каргаска привезли какие-то рыжие по цвету чернила, однако они держались лучше наших, и вскоре школа перешла на них.

Павел Африканович вёл заседания учкома (ученического комитета), в котором состоял и я. Он приглашал на заседания нерадивых школьников, но предоставлял нам, школьникам, возможность самим воздействовать, учил задавать вопросы и вести беседу, поощрял активность. Это пригодилось мне и позднее.

Зимой 1942/43 уч.г. для укрепления дисциплины и самоуправления в школе была проведена военная игра. Подготовительный этап включал в себя целый ряд элементов.

Началось с гардероба. Обычно после окончания занятий школьники бросались одеваться, с громкими криками сбрасывая одежду на пол, наступая на неё. На линейке директор сказал, что надо менять порядок, следует более бережно относиться к своей одежде. Военные одеваются быстро, без шума. Этому надо учиться. Показал, как следует сворачивать и вешать верхнюю одежду (в большинстве телогрейки). Потом договорились о выходе из класса и прохождению гардероба. Результаты вскоре были налицо. До начала занятий на гардеробе дежурила пожилая женщина-нянечка. Она по-матерински приветливо встречала

детей, помогала пришивать оторвавшиеся пуговицы, почистить обувь и др. После окончания уроков одевались быстро, организовано и без толкучки. Следующий элемент относился к выработке ответственности за свои поступки, соблюдению субординации, улучшению качества учёбы, повышению роли учкома через другую форму - Совет командиров. Новый год + 1943, + мы встречали дружным коллективом. Меня тогда премировали 12-листовой тетрадкой. Это сейчас она стоит копейки, а тогда имела огромную ценность. Я долго берёг этот подарок. Только в 9-м классе записал в неё два своих лучших сочинения. Заключительный этап научил нас также многому. Младшие школьники оставались в селе для обороны «крепости» и знамени. Старшие на лыжах пошли в обход села. Для этого надо было перейти по льду на противоположный пологий берег и незаметно подобраться к «крепости», которая была оборудована на крутом берегу старицы Оби.. Наступившая темнота и облегчала, и усложняла задачу. Но разработанные планы были осуществлены.

Разбор «полётов» был тоже поучительным. Упор делался на ход действий, на проявленную смекалку, на выносливость и стойкость, на соблюдение дисциплины. Так были достигнуты прекрасные воспитательные цели. Перед ледоходом Павел Африканович откликнулся на просьбу местного колхоза спасти сено на лугах. Ожидался высокий паводок, была опасность затопления лугов и оставшихся там стогов сена. Фермы могли остаться без кормов. Старшие школьники (5-7 кл.), имея опыт военной игры, организовано двинулись в поход. Два дня дружной работы с колхозниками позволили выполнить задание. Школа стала получать от колхоза молоко на школьные завтраки. Для военного времени это было ощутимо.

Школа имела печное отопление. Дрова заготавливали сами. В лесу надо было спилить деревья, разделить на двухметровые кряжи. Школьный сторож на лошадке отвозил их на школьный

двор, здесь школьники распиливали их на чурки и раскальвали. Процедура направления в лес была военизирована. Директор приглашал к себе в кабинет четверых парней и говорил: «Боевое задание - отправляйтесь в лес на заготовку дров. В буфете получите НЗ (неприкосновенный запас)». Это означало, что те, кто отправлялся в лес, получал дополнительный паёк хлеба - 200 г, иногда и сахар-сырец коричневой ползучей массой. Нам нравилось выполнять эти задания, мы были уже привычны к такой работе. Но однажды нас направили в лес в сильный мороз - около -30°C . Школьная уборщица, уже пожилая женщина, узнав, куда мы отправляемся, задержала нас и пошла к директору. Она ему сказала, что в такую погоду даже кадровые лесорубы не выходят на лесоповал - опасно, а здесь подростки. Директор задание отменил.

Жена Павла Африкановича - Лидия Андреевна - применила другие способы воспитания. Она объявила, что есть возможность заработать, взяв заказ у рыбозавода. Рыбакам поступили сети с мелкой ячейкой. Их надо было распустить, а из этой пряжи связать новые сети. Заказ приняли и после занятий стали собираться для его выполнения. Распуская сети, мы пели песни, рассказывали различные истории, декламировали стихи. Наша учительница математики Александра Афанасьевна Короткова удивила всех тем, что воспроизвела наизусть поэму А.С.Пушкина «Евгений Онегин». Мне тоже хотелось запомнить пушкинские строфы, но удалось это только частично. Лидия Андреевна рассказала о своей жизни и учёбе в Томске. Эти посиделки нас всех очень сблизили. Весной Павел Африканович предложил раскорчевать пришкольный участок, посадить картофель, чтобы осенью иметь его для школьных обедов. Предложение было принято родительским и ученическим комитетами. Привезли корчевальный агрегат, приготовили ломы, лопаты, грабли. Рыбозавод выделил рыбные головы для ухи, которую приготовили ро-

дители. После дружной работы все школьники сели за столы для совместной еды. Настроение было приподнятое, сумели в один день управиться с раскорчёвкой.

Павел Африканович вошёл в мою жизнь, став примером истинного Учителя и Человека. Он много сделал и для меня и для школьников из других немецких семей.

В летние каникулы 1943 года я пошёл учеником в столярную мастерскую рыбозавода. Мне нравилось работать с деревом, пилить и строгать. Однако недели через две меня вызвали к директору рыбозавода. Он сказал, что из Каргаска прибыл мастер по плетению лубочных (из стружки) корзин, необходимых заводу для упаковки копчёной рыбы. Меня рекомендовали к нему в ученики, чтобы в дальнейшем наладить производство у нас на заводе. Отметив важность этого дела, директор просил отнестись к поручению с полной серьёзностью. Мне оставалось лишь согласиться. В течение недели корзиночный мастер научил меня выбирать деревья пригодные для изготовления стружки. Это должны были быть сосны, прямо- и тонкослойные. Следовало отпиливать заготовку в 120 см, а затем широким специальным ножом с рычагом, который тянули 4 человека, а мастер направлял ход ножа, получать стружку шириной до 10 см. Мастер научил меня плести двойные корзины стандартных размеров 30х30х60 см. Убедившись, что я освоил технологию, пришёл со мной к директору и доложил, что он свою работу сделал, а меня рекомендует в качестве бригадира для дальнейшей работы. Директор рыбозавода издал соответствующий приказ, и я в 14 лет стал бригадиром корзиночного цеха. В моей бригаде было 6 человек: взрослые женщины, младшей из которых было 20 лет, старшей (учительнице немецкого языка, которую не допускали к работе в школе по специальности) - около 40. 4 из них вообще не знали русского. Но я их понимал и старался говорить по-немецки. Коряво, но получалось. Они очень старались, освоили плетение корзин, и мы всей

бригадой на неводнике (большой лодке) по воде добирались в сосновый лес и делали нужные заготовки. Весили они около 50 кг, вытаскивать к неводнику было тяжело. Женщины брались парами, а я нёс один. Старшая (учительница) укоризненно качала головой и не раз говорила мне, как это вредно для подростка носить большие тяжести. До меня её слова тогда не доходили. Большой позвоночник сегодня напоминает мне о тех днях.

Мы работали дружно, научились перевыполнять норму. За это нам выдавали дополнительный паёк хлеба.

Однажды, переправляясь гружёнными через Обь домой, попали под штормовой ветер, поднявший высокую волну. Лодку стало захлёстывать. Я, как бригадир, сидел на корме и правил рулевым веслом, женщины гребли из всех сил вёслами. Было трудно, страшно, что утонем, но ангел-хранитель был с нами. Добрались до берега. Потом уже учительница рассказала, какой у меня был бледный вид, а ведь я старался не показывать, как мне было страшно за себя и за других.

К осени уже поблизости не было нужной древесины, и бригаду перевели в п. Белый Яр, за 40 км от Тымского. Там был прекрасный сосновый бор. Мне надо было идти в школу, в 7-й класс. Нашёл себе замену, парня старше меня. Подучил и сдал ему бригаду.

В октябре начались занятия, но директором школы стал бывший парторг рыбозавода Васьков. П.А.Пляскина перевели в райцентр Каргасок инспектором РОНО. Новый директор школы недели через две после начала занятий вызвал меня и сказал, что моя бывшая бригада в Белом Яре не справляется с работой, необходима моя помощь. Я стал отказываться. Тогда он заявил, что туда ошибочно завезли предназначенные нашей школе тетради, их надо переправить в Тымское. Он надеется на меня, а попутно поручает помочь бригаде. В качестве поощрения обещал через рыбозавод оформить мне заготовки на бахилы (мягкие

рыбачские сапоги). Знал, что мой отец сапожник, и сможет их сшить. Сапоги мне были нужны, я согласился. Сходил за 40 км по таёжной тропе в Белый Яр, где меня радостно встретила моя бывшая бригада, помог устранить поломку в строгальном станке.

Оказалось, никаких тетрадей ошибочно в сельпо не завезли, и я вернулся домой. Директор школы обманул меня и с сапогами. Учителем он оказался никудышным. Взялся вести географию, читал нам в классе всё по учебнику. Школьники приспособились, когда кого-либо вызывали отвечать, не выходили к доске, а читали по учебнику со своей парты. Так он ничему и не научил.

В начале 1944 года иждивенцам, т.е. не работающим членам семьи, отказали в хлебном пайке (выдавали всего-то по 200 г. на человека, а тут и этого лишили). Мама в это время не работала, болела, отец находился уже несколько месяцев у рыбаков в Усть-Тыме, обеспечивая их обувью. Он ремонтировал старую и шил новую.

Остались мы с мамой без хлеба. Я отправился к директору школы Васькову за помощью. Тот сказал, что ничем помочь не может, мне следует идти работать в колхоз, чтобы получать паёк. Мама согласилась, и я стал на лошадах возить в колхозе сено. Была зима, февраль, шла третья четверть. Я брал задания в школе по всем предметам, стараясь не отстать. Через некоторое время меня вызвал к себе отец. В выходной день встал на лыжи, 20 км пробежал легко. Отец был рад меня видеть, сказал, что он сверхурочно выполнил некоторым рыбакам заказы и получил от них муку. Работу в колхозе он велел оставить и учиться дальше, чтобы получить семилетнее образование. На первый случай нам с мамой хватит муки вместе с картошкой для пропитания, а дальше видно будет. Обрато я возвращался с драгоценной поклажей с хорошим настроением. Мы с мамой ещё

кое-какие оставшиеся у нас вещи обменяли на картофель, а я стал снова ходить в школу.

Весной, когда началась подготовка к выпускным экзаменам, мне удалось несколько раз подработать в рабкоопе (рабочем кооперативе). По воде пришёл паузок с мукой и сахаром. Меня позвали на разгрузку. Работая в бригаде взрослых мужчин, не отставал от них. В заключение председатель за работу велел нам выдать по килограмму хлеба. На следующий день надо было возить муку с берега на склад. Снова килограмм хлеба. И так несколько дней. В результате экзамены сдал всё на «отлично», получил свидетельство об окончании семи классов с одними отличными оценками. Наступили летние каникулы. Мама работала в рабкоопе, шила телогрейки. Мне председатель рабкоопа предложил пасти телят, пообещав хорошую оплату. Так в это лето я стал пастухом.

В конце августа отца приняли в Каргаске на работу сапожником в артель инвалидов. Комендатура разрешила переезд в райцентр. Мама стала работать в пошивочной мастерской. У меня появилась возможность учиться дальше в средней школе.

Так я оказался в Каргаске и был принят в 8-й класс Каргасокской средней школы.

До начала занятий оставался ещё месяц. Председатель артели предложил мне поработать на кожевенном заводе, пообещав кожи для сапог. На завод поступали свиные и коровьи шкуры. Их отмачивали в щёлоке, извести, затем отделяли шерсть и отмачивали в ручье. Потом шло их дубление, сушка, мялка. Ворочать сырые шкуры было физически трудно, уставал страшно. Этот месяц выдержал с большим трудом. Но кожу на сапоги заработал.

В октябре начались школьные занятия. С 8-го по 10-й класс за одной партией сидел я с Альбертом Пиннекером, ставшим моим другом на всю жизнь.

Его брат Евгений закончил в тот год Каргасокскую среднюю школу с отличием, но комендатура не отпустила учиться дальше.

Дядя Жени, профессор Томского Политехнического института, сумел оформить его на заочное отделение геологоразведочного факультета. Женя работал кочегаром на электростанции и упорно занимался, много читал.

Альберт показывал мне его читательский дневник. Записывался автор, название книги и краткая аннотация прочитанного. Если он читал книгу на немецком, то и запись была по-немецки. Через год комендатура разрешила Жене выехать в Томск для сдачи экзаменов. Он их блестяще сдал, был переведён на дневное отделение, в Каргасок не вернулся. Позднее, после окончания геологоразведочного факультета Томского Политехнического института Евгений Пиннекер стал кандидатом, затем доктором геологических наук. Работал последнее время зам. директора НИИ по научной работе в Иркутском Академгородке. Пиннекеры рано остались без родителей. Их взяла на воспитание тётя, учительница немецкого языка. Но вести занятия по специальности ей не разрешали, хотя учителя немецкого были нужны, и она работала в школе сначала техничкой, потом - секретарём.

В классе были и другие репрессированные, в частности дети богатых евреев из Латвии. Например, два брата - близнеца, Иосиф и Леонид Едейкины. Их отец имел велосипедную фабрику в Риге. Фабрику национализировали, отца выслали на Север - в Соловки, а мать и детей - в Сибирь. Иосиф выделялся феноменальной памятью. Он прекрасно помнил все исторические события, а ход военных операций в Отечественную войну мог назвать с точностью до часа.

Мы с Альбертом отличались склонностью к математике. У Альберта преобладало аналитическое мышление. Поэтому часто, решая трудную задачу, он обращался ко мне: «Есть такая-то теорема?» - «Да». - «Тогда я решил!» - опережал он меня.

В 9-м классе учительница математики Анна Антоновна Черникова поручила нам вести дополнительные занятия с отстаю-

щими, слабыми учениками. Это вызвало зависть И. Едейкина. Он однажды почти сорвал занятие у Альберта. Пришёл и стал задавать ему провокационные вопросы, отвлекая внимание других. Тогда мы стали с Альбертом проводить занятия вместе, дав отпор «Йоське».

Готовясь к письменному экзамену по математике в 9-м классе, мы, казалось, прорешали весь задачник по алгебре Шапошникова и Вальцова. И вдруг Альберт обнаружил задачку на совместные действия арифметической и геометрической прогрессий. Пришёл ко мне, пытались решить вместе, но не вышло. Завтра экзамен, а у нас эта задачка не решена, вроде как мы ещё не готовы. Продолжая поиск, поздно вечером независимо друг от друга нашли решение. Встретились утром перед экзаменом. Он жил дальше и в школу ходил мимо моего дома. Сверились и радостно убедились в правильности найденных решений. Когда учительница открыла на доске текст задания, мы с Альбертом переглянулись: к нашему удивлению задача была аналогична той, которую мы с таким трудом одолели. Конечно, мы выполнили её быстро, но многие наши соклассники не справились. Позднее, уже будучи учителем, мне удалось найти более рациональный способ решения подобных задач и передать его своим ученикам. Завучем в школе была Лидия Андреевна Пляскина (жена Павла Африкановича). Она следила за моими занятиями, руководила чтением, разрешая брать книги из её домашней библиотеки. Она не раз наставляла меня как писать сочинения по литературе. Однажды вызвала к себе в кабинет. В руках у неё была моя тетрадь с очередным сочинением. «Аврелий, - обратилась она ко мне, - как ты можешь так писать!» Сначала я не мог понять, что вызвало у неё возмущение. Оказалось, по привычке экономить бумагу, я писал убористо мелким почерком без соблюдения красной строки и абзацев. «Твоё сочинение трудно читать, - продолжала она. - Ты портишь зрение себе и учите-

лям, проверяющим работу.» Мне стало стыдно, и все замечания принял с благодарностью. С тех пор я стал обращать внимание не только на содержание, но и на оформление написанного.

В мае 1945 года закончилась Отечественная война. Со слезами на глазах слушали радио и радовались Победе. Но перемен в нашей жизни не последовало.

Ещё в 4-м классе отец научил меня переплетать журналы, которые мы получали. Потом мне это пригодилось. У меня всегда были хорошие отношения с библиотекарями. Вот и в Каргаске в районной библиотеке они узнали о моём умении и попросили подновить обветшавший за военные годы книжный фонд. В летние каникулы после 8-го класса меня приняли переплётчиком в районную библиотеку. Переплетая книги, много читал: А.С. Пушкин, М.Ю.Лермонтов, Л.Н. Толстой («Война и мир», 4 тома; «Анна Каренина», «Воскресение»), А.Н. Толстой («Пётр I», «Хождение по мукам») и др.

Я учился в 9-м классе, когда Лидия Андреевна организовала в марте 1946 г. посвящённый А.С.Пушкину литературный вечер, костюмированный бал учащихся 8-10 классов. Исполнялись роли литературных героев. Мне досталась роль Мазепы. Мама приготовила соответствующий костюм. Вся композиция была насквозь пронизана музыкой, мы разучивали бальные танцы. Выход торжественно начинался полонезом Огинского. Особенно трудным для меня оказался вальс. Спасибо Лидии Андреевне, она мне уделила внимание, обучая этому танцу. Вечер проходил в районном Доме культуры в присутствии родителей и имел большой успех. С тех пор я мог участвовать в танцах и на школьных вечерах.

Весной 1946 г. тяжело заболела моя мама. Диагноз: рак матки, нужна операция. В райцентре был лишь один хирург, да и то не умевший делать даже «простые» операции (аппендицит, например), которые часто имели летальный исход.

Поэтому мои родители отказались от операции в Каргаске. По направлению врача мама получила разрешение комендантуры на выезд для лечения в Томск. Очень помогли Пляскины. Родители Лидии Андреевны приветливо встретили её в Томске, помогли определиться в нужную клинику мединститута к профессору Пойзнеру. После обследования профессор сказал, что можно обойтись без операции: «Будем лечить консервативными методами». Лечение прошло успешно, через два месяца она возвратилась здоровой. Болезнь снова вернулась через 25 лет ... Тогда уже не удалось её побороть.

В 1946 г., после 9-го класса, меня привлекли к ремонту книг в школьной библиотеке. Ко мне прикрепили трёх девятиклассников, которых я должен был научить «лечить» книги, а затем вместе с ними приводить в порядок библиотеку. Работы было много. Приходилось странички книг подклеивать, а наиболее потрёпанные ещё и сшивать и переплетать. В то лето мне удалось прочитать многие сочинения М. Горького, В. Маяковского и др.

Нашу работу сочетали со спортом. Запомнился спортивный летний районный праздник, на котором соревновались в лёгкой атлетике. Мне удалось занять первые места в прыжках в длину и в высоту, в метании гранаты. В районной газете была информация о празднике, упомянули и о моих достижениях.

Особенно комично получилось с гранатой. Соревнование проходило на площадке районного Дома культуры. Гранату бросали в направлении к высокому забору, за которым находился райотдел милиции. Никому не удавалось даже попасть в забор. У меня с первой попытки граната ударилась об него. Болельщики стали кричать: «За забор её! В милицию!» Разбегаюсь и бросаю, но снова попадаю в забор. Призывы продолжают. Снова разбегаюсь, а граната из моих рук буквально выскользнула почти вертикально вверх. Все замерли, глядя как она, медленно описав

крутую траекторию, вдруг миновала забор и упала за ним под восторженные крики зрителей. Раздался хохот, когда судьи полезли через забор делать замер. Помнится, граната пролетела более 50 метров. Вечером подводились итоги и мне вручили призы - одеколон и ещё что-то. В 10-м классе оставили след в моём обучении молодые учителя, вернувшиеся с фронта: Михаил Николаевич Гаевский - по математике и физике, Михаил Петрович Петров - по литературе. Это были высоко эрудированные, соскучившиеся за время войны по учительской работе специалисты.

Заканчивал 10-й класс я в 1947 году. Ещё в 1944 г. вышло Постановление Правительства о введении в школе выпускных экзаменов на аттестат зрелости и награждении золотыми и серебряными медалями за успехи в обучении. У меня за все годы

10 класс Каргасокской школы. 1947 год.

учёбы в школе были годовые оценки отличные. Появилось желание справиться на отлично и с выпускными экзаменами. Требования к выпускникам тогда были высокие. Предстояло сдать 8 экзаменов: литература (письменно и устно), алгебра (письменно), геометрия с применением тригонометрии (письменно), геометрия (устно), немецкий язык, история, химия. Если какой-либо экзамен оценивался неудовлетворительно, к сдаче дальнейших экзаменов учащийся не допускался.

Были ещё и идеологические требования в свете Постановления ЦК ВКП (б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», изданного в 1946 г. В апреле 1947 Г. И. Едейкин на уроке истории передавал сочинённые им шаловливые стихи «Весна, весна - пора любви...» Меня тогда в школе не было по болезни и мне рассказывал потом Альберт, что он прочитал, подправил кое-где рифмы, передал дальше. Учительница истории, на уроке которой всё это происходило, обратила внимание на весёлое настроение учеников, заметила лист бумаги, который переходил из рук в руки, и потребовала отдать его ей. Йоська не возражал, даже был доволен, что она прочитает его стихи. Но учительница проявила «бдительность», пошла к директору и заявила об аполитичности сочинения. Срочно был созван педсовет, приглашён для объяснения автор и вынесено решение о его исключении из школы. Он такого исхода не ожидал, но повинился, просил прощения. РОНО смягчил решение об исключении одним месяцем. Так, накануне начала выпускных экзаменов, Едейкин потерял право посещать занятия. Ему сочувствовали, но решение было выполнено. Хорошо, что ещё допустили к экзаменам. На устном экзамене по литературе председатель комиссии, инспектор ОблОНО, задал ему дополнительный вопрос об отношении к Постановлению ЦК. Хотя в целом он отвечал очень бойко, оценили его только на «тройку», отметив идеологическую невыдержанность.

В школе была комсомольская организация, но в комсомол меня и моих сверстников-немцев по «идеологическим соображениям» не принимали. На письменном экзамене по литературе я выбрал для сочинения тему «Революционный романтизм в творчестве русских писателей». Эпиграфом взял слова Аветика Исаакяна: «Буря, промчись, грозой разразясь! Смой с человечества гниль и грязь!»

Начав с русского гражданского романтизма поэта-декабриста К. Ф. Рылеева, показал связь революционного романтизма М. Горького с творчеством других русских писателей и поэтов: А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева и др. Сочинение получило оценку «5». Леонид Едейкин сделал в своём сочинении столько ошибок, что его оценили на «2». Другие мои соклассники написали на «4» и «3». Был сдан устный экзамен по литературе, мы пришли на экзамен по немецкому языку, когда нам объявили, что председатель комиссии, инспектор ОблОНО Карташов, не согласился с оценками сочинений и приостановил экзамены до получения разъяснений из Томска. Суть дела была в том, что для оценки сочинений предлагался новый критерий. Указывался объём сочинения, не менее 4 страниц, и соотношение количества орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок для соответствующей отметки. Наши учителя-литераторы истолковали критерий в среднем на 4 страницы, а председатель не согласился, считая критерий на весь объём. Вот и ходили мы потом в школу, ожидая ответ из Томска. Нам сказали, чтобы мы готовились к письменному экзамену по алгебре, так как срок его проведения был всесоюзный и не подлежал переносу. Действительно, мы написали письменную работу по алгебре и вечером пришли узнавать результаты. Нам объявили оценки, а затем сообщили ответ Томского ОблОНО: «Независимо от объёма придерживаться критерия». Была сделана переоценка. В результате ещё

8 работ признали неудовлетворительными. Оценка моей работы не изменилась. Из 18 учащихся нашего класса остались для сдачи следующих экзаменов 9, ровно половина. В итоге все экзамены были сданы мною на «5», педсовет представил меня к награждению золотой медалью. Мои экзаменационные работы и другие материалы направили в Томский ОблОНО на утверждение, мне осталось только ждать решение. Альберт Пиннекер и другие мои соклассники получили на выпускном вечере аттестаты зрелости, послали документы для поступления в ВУЗы.

На выпускном вечере оказался выпускник нашей школы, преподаватель Новосибирского института военных инженеров транспорта (сокращённо -НИВИТ). Он предложил мне поступать в его институт, послать документы без аттестата. Обещал поддержку. Я последовал его совету. Вскоре получил ответ: «Если вы не репрессированы и годны к строевой службе в Советской армии, будете зачислены в институт. Аттестат следует представить до 20 августа.»

Отправился в военкомат, там весной как призывник проходил медкомиссию. Мне выдали справку, что годен к строевой службе. Обратился к коменданту:

«Я репрессирован?» - Это слово я тогда узнал впервые.

Он отвечает: «Нет, по Конституции вы пользуетесь всеми правами гражданина СССР.»

- Мне разрешат поехать в Новосибирск для поступления в институт?

- Пишите заявление, приложите письмо из института.

Я так и сделал, стал ждать ответа из областной комендатуры, куда направили моё заявление.

20 августа 1947 г. меня пригласил зав. Каргасокским РОНО Л.А Кузнецов и сообщил, что я награждаюсь Золотой медалью и получаю Аттестат Зрелости особого образца. Он мне его вручил и поздравил. «Медаль будет позже, когда её доставят в

Аттестат зрелости Детеррер Аврелия Васильевича

ввалось, как согласиться Альберту отказали сразу, ему надо было сдавать вступительные экзамены. Меня обязаны были принять без экзаменов как медалиста, но отказывали, требуя разрешения комендатуры.

Мы с Альбертом обратились в областную комендатуру, где нам сообщили об отказах на наши заявления, отправленные из Каргаска. Всё было предельно ясно. Нам оставалось идти в стройтрест и работать, надеясь на следующий год получить разрешение учиться дальше.

Однако на следующий год мои надежды не оправдались. В Томских ВУЗах мне было отказано в приёме.

банк». На этом мы расстались, но радости не было. Срок поступления в ВУЗ прошёл, областная комендатура молчит. Альберт тоже ждёт разрешение на выезд.

В начале сентября комендант, к которому мы с Альбертом пришли в очередной раз, чтобы узнать, пет ли нам разрешения, сообщил, что из Томска приехал уполномоченный Томского облисполкома. Он подбирает людей для работы в тресте Томкстрой. Для нас, как считал комендант. это самый удобный случай выехать в Томск и через областную комендатуру решить свои проблемы. Нам ничего не оста-

Вдруг па следующий день меня вызывает комендант. Показывает большого размера карту г.Томска и спрашивает, могу ли я её скопировать.

- Конечно, - заявляю я.
- Если сделаешь, получишь разрешение сразу.
- Будет готово к завтрашнему дню.
- Хорошо, - с сомнением посмотрел на меня комендант.

Всю ночь я просидел над картой, но сделал копию на кальку в лучшем виде и утром принёс коменданту. Он обомлел, увидев мою работу. Напомнив про обещание, спросил, когда же смогу получить разрешение. Он несколько растеряно сказал, что сразу не сможет, но ускорит. Через неделю, 4-го сентября, с опозданием прибыл в Колпашево и явился в институт. Павел Африкаевич сделал мне замечание за опоздание, но я не мог ему всего рассказать.

Двухгодичные учительские институты были организованы для подготовки кадров учителей 5-7 классов в связи с начавшимся в стране переходом на всеобщее обязательное семилетнее образование. Колпашевский учительский институт находился в северном городе, имел план приёма 100 человек на 4 отделения: физико-математическое, естествознания, историческое, русского языка и литературы. Группы комплектовались по 25-30 студентов. Среди них были мужчины-фронтовики, коммунисты, имевшие жизненный опыт и большое желание учиться после демобилизации из армии. Они положительно влияли на молодых, задавали тон на занятиях и собраниях. С ними считались и наши преподаватели. Два года пролетели быстро. В 1950 году мне вручили диплом учителя математики и физики 5-7 классов. В 1955 году я заочно окончил Томский пединститут, а в 1960 году - аспирантуру Ярославского пединститута, В 1950 году началась моя семейная жизнь, я женился на сокурснице, выпускнице Александровской средней школы. Нас направили работать в Мирно-Озёрскую се-

Пётр Яковлевич Ранн

милетнюю школу бывшего Пудинского района. Но это уже другая история. Мы отметили золотую свадьбу в Германии, где живём с 1998 года. У нас три дочери, 6 внуков и правнук.

После окончания школы я трудился ещё 50 лет. Из них 11 лет в школе и 37 - в Томском педагогическом университете.

A. Detter

Гамбург, 21.06.03